

Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович

**50 лет русской музыки в моих
воспоминаниях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Михайлович И.**
50 лет русской музыки в моих воспоминаниях / Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 162 с.

ISBN 978-5-519-87329-1

ISBN 978-5-519-87329-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

От издательства

Имя народного артиста республики Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова широко известно советской общественности. Крупный композитор, сочинения которого проникли далеко за пределы нашей страны, музыкальный этнограф, способствовавший выяснению музыкального фольклора Грузии, Азербайджана и др., оперный и симфонический дирижер, уверенно знакомивший слушателей со множеством значительнейших музыкальных произведений, наконец, выдающийся педагог, давший целый ряд славных учеников, М. М. Ипполитов-Иванов за всю свою долгую деятельность был всегда музыкантом-общественником. В дореволюционное время он ставит на ноги и крепко организует музыкальную школу в столице Закавказья и принимает широкое участие в профессиональном музыкальном движении. После революции эта общественная деятельность М. М. Ипполитова-Иванова получает свое дальнейшее развитие: где на музыкальном фронте социалистического строительства требуется участие наиболее значительных, наиболее квалифицированных советских музыкантов, мы везде встречаем Михаила Михайловича в первых рядах.

Все перечисленные крупные заслуги М. М. Ипполитова-Иванова вызвали, как известно, предоставление ему 30 января 1934 г. к 50-летию юбилею его деятельности высокой награды—ордена Трудового красного знамени.

Совершенно очевидно, что мемуары, каковыми по существу является настоящая книга, столь выдающегося общественного деятеля должны иметь большое культурное значение и не могут не вызвать глубокого интереса и внимания. Пятидесятилетняя работа в разнообразных отраслях музыкального искусства, музыкальной науки и педагогики ставила автора мемуаров в разнообразные положения, сталкивала со множеством людей и дала возможность рассказать о многих перипетиях развития музыки в нашей стране и, с другой стороны, — осветить участие самого автора в этом развитии.

Следует подчеркнуть, что целый ряд мнений и суждений автора, иногда необычных и индивидуальных, расходящихся с теми или иными установившимися представлениями—никогда не навязываются читателю, как нечто непреложное и догматическое, оставаясь личным мнением М. М. Ипполитова-Иванова.

Если добавить к этому, что суждения и высказывания М. М. Ипполитова-Иванова о лицах, упоминаемых в мемуарах, всегда проникнуты большой благожелательностью, а о себе самом излишне, быть может, подчеркнутой скромностью,—то тем более выясняется объективное значение настоящей книги.

Глава I.

Детство. Гатчина в 60-х годах. Наш семейный уклад. Первые музыкальные занятия и впечатления. Переезд в Петербург.

Род наш происходит от крестьян Костромской губернии, еще при Екатерине II переселенных в г. Гатчину на работы по сооружению дворца для ее фаворита Г. Г. Орлова в 1766 г. Местность нынешней Гатчины когда-то составляла часть земель, принадлежавших Великому Новгороду, но коренное население ее главным образом всегда составляли корелы, финны и эстонцы, которые, находясь под постоянным культурным влиянием Ливонии и Швеции, внесли свою культуру и в быт гатчинских жителей.

Орлов однако недолго владел этим очаровательным по местоположению уголком Ингерманландии. В 1783 г. Екатерина, после смерти Орлова, купила Гатчину у его наследников и передала в собственность своему сыну Павлу Петровичу, будущему императору, который и занялся ее переустройством по образцу германских городов, в качестве преданного поклонника «великого Фридриха». Будучи отчасти любителем искусства, он привлек к работе лучших художников того времени для украшения дворца и парка.

Дворец при Орлове состоял из главного корпуса с двумя башнями четырехугольной формы, которые и остались без изменения, но при Павле к нему были пристроены два самостоятельных здания, носящих название Арсенального и Кухонного, соединенных закругленными крыльями.

Первоначальный план дворца был разработан архитектором Антониом Ринальди, в дальнейших же перестройках принимали участие Баженов, Львов, Брена и Доменико Висконти; последний соорудил также на Черном озере в Гатчине «Приоратное аббатство», по желанию Павла, получившего тогда звание магистра Мальтийского ордена. Вообще, Гатчина, с ее дворцом, городскими сооружениями и благоустройством, достигла полного расцвета, но после смерти своего хозяина быстро пошла к упадку при благосклонном участии его наследников. Дворец же, благодаря собранию в нем художественных сокровищ, и до нашего времени представляет интереснейший музей произведений искусства, как живописи, так и скульптуры.

В годы моего детства, в конце 60-х годов прошлого века, еще многое сохранилось от павловских времен как с внешней, так и с внутренней, бытовой стороны. Весь уклад жизни был построен на немецкий лад. Все общественные учреждения, как то: ратуша, госпиталь, лютеранская церковь, школы, сиротские дома и другие общественные учреждения, имели не только по названию, но и по внутренней организации характер, свойственный небольшим городам Германии. Город охранялся будочниками, перекликавшимися между собою продолжительным окриком: «Слушай», и в девять часов вечера все погружалось вместе с будочником в мирный сон. Въезд в город заграждался шлагбаумами и заставами, и по закрытии их проникнуть в него никто не мог без разрешения коменданта. Начальствующими лицами были все немцы: Люце, Кноринг, Багговут, и т. д., а по ним уже равнялись все,—и наша семья в этом случае также не была исключением.

Переведенный из Костромской губернии в г. Гатчину как государственный крестьянин, мой дед Иван Матвеевич обосновался там с женой Пелагеей Ивановной, двумя братьями и сыном Михаилом Ивановичем, моим отцом. Все они, как талантливые и сообразительные работники, быстро были отличены и выделены для дальнейшего технического образования. Дед специализировался как литейщик, а его братья были отправлены в Академию художеств; их имена впоследствии получили значительную известность. Сложные работы деда по отливке художественных произведений из бронзы (напр. люстр) создали ему славу первоклассного мастера. Работы его до сих пор восхищают знатоков литейного искусства.

В числе промышленных учреждений в то время в Гатчине существовали стеклянный, фарфоровый заводы и мастерская механических изделий. Последней заведывал дед; отец мой работал в ней в качестве простого слесаря, а после смерти деда наследовал его место заведующего. Эта небольшая фабрика механических изделий, обслуживавшая главным образом дворцовые нужды, помещалась в центре города. Работавшие на ней проживали в особых зданиях, примыкавших к мастерским; отец мой с семьей занимал прекрасный дом со службами и большим садом; впоследствии в этом доме помещался женский Мариинский монастырь.

Семья наша состояла из четырех братьев—Ивана, Николая, Федора и меня—и двух сестер, Софии и Марии. Братья мои, все значительно старше меня, служили в Гатчинском дворцовом правлении; отец был очень огорчен, что никто из нас не наследовал его мастерства, и очень надеялся сделать из меня механика, но судьба устроила иначе. Запах каменного угля, вид пылающего горна и визг напильников до сих пор вызывают во мне воспоминания детства, и я помню до мелочей обстановку фабричной работы моего отца и мои попытки подавать ему нагретые паяльники с риском обжечь свои пальцы, на что отец очень мало обращал внимания.

Родился я 7 ноября 1859 г.

Когда мне было год и девять месяцев, я упал в глубокий колодезь, находившийся в саду нашего дома, и только случайно остался жив. Падение это произошло на глазах моей матери *) и так поразило ее, что она заболела нервным расстройством, от которого не могла поправиться до конца жизни. С тех пор все заботы обо мне, как младшем члене семьи, перешли к моей сестре Марии Михайловне, которая и заменила мне мать. Все события моего раннего детства и наши родственные отношения я описываю по ее рассказам. Мое падение в колодезь произошло в июле 1861 г. В обеденный отдых, когда мой отец приходил с фабрики и после обеда ложился отдыхать, мы с матерью уходили в сад, чтобы не беспокоить его. Там она работала, а

Рис. 1. Дом в Гатчине, в котором родился М. М. Инполитов-Иванов.

я бегал на свободе. Посреди сада находился колодезь для полива огорода, глубиною в 11 аршин, с очень низким срубом, к которому я часто подбегал, заглядывая в его чернеющую бездну. В один из таких моментов я не удержался, и с разбега полетел в него. На крик матери сбежались отец, рабочие и служащие. Принесли лестницу, но она оказалась короткой, тогда один из рабочих догадался спуститься в бадье, которою черпалась из колодца вода, и извлек меня. По рассказам сестры, я крепко охватил рученками шею своего спасителя, и первое слово, с которым я бросился к матери, было: «мама», что показывает, что я находился в полном сознании, несмотря на довольно продолжительную ледяную ванну. Мое спасение произошло (как объясняли очевидцы), потому что лед, который накопился на стенках сруба за зиму, образовал покатую горку, по которой я скатился, а не прямо упал на доски, окаймлявшие воду колодца,

*) Мать моя, Татьяна Михайловна, была дочерью бургомистра Гатчины Захарова.

и там спокойно пролежал, ожидая спасенья. Конечно, я был героем дня—весь город перебивал у нас, справляясь о состоянии моего здоровья.

Одним из первых посетил моего отца Г. А. Ломакин, основатель Бесплатной музыкальной школы, крупного культурно-просветительного учреждения 60-х годов. Ломакин имел собственную дачу на Люцевской улице недалеко от нашего дома и был в дружеских отношениях с моим отцом. Это было как бы первое мое соприкосновение с Бесплатной музыкальной школой. Слушая неоднократно мой детский плач, он всегда шутя говорил, что у меня прекрасный голос, и советовал моему отцу учить меня гению. И действительно, у меня впоследствии оказалось прекрасное сопрано, что определило мою музыкальную карьеру, к большому огорчению моего отца. Отец хотя и любил музыку, но серьезного значения ей не придавал,—мать же, по словам сестры, немного пела и музыку очень любила. Братья мои все обладали голосами и относительной музыкальностью; часто собирались вместе, певали трио и хоровые песни. С 8—9 лет я уже понемногу стал принимать участие в их исполнении, подлаживаясь к общей гармонии и таким образом развивал свой слух. С восьми же лет я стал посещать эстонскую школу при лютеранской церкви, где одновременно с грамотой нас знакомили и с музыкой. Кюре, заведывавший школой, применял при изучении нот цветной метод, т. е. раскрашивал ноты разными красками: сегодня у него *до* красное, а завтра—синее; почему он пользовался таким методом, я это до сих пор не могу решить. Помню, грамота эта давалась мне чрезвычайно трудно, что приводило в отчаяние моего учителя мистера Йоганна, как мы его называли; тем не менее, понемногу я научился разбирать ноты и уже сознательно принимал участие в любительском хоре.

Следующим этапом моего музыкального развития было знакомство с маршем из «Афинских развалин» Бетховена в исполнении заводного органа фирмы Винтергальтера; этот марш производил на меня потрясающее впечатление; слушая его я дрожал, как в лихорадке. Орган находился в зале Арсенального каре дворца, куда я имел доступ по протекции моих братьев, служивших при дворцовом правлении. Я широко пользовался этой возможностью и посещал дворец во время их дежурства. Кроме органа меня привлекало туда и другое. Часто бывая во дворце и рассматривая находящиеся там картины, я при содействии моего брата Федора, большого знатока и любителя живописи, быстро научился отличать не только школы, их характер, эпоху, но и манеру письма отдельных художников. Таким образом, в деле моего художественного развития гатчинский дворец сыграл огромную роль. В десять лет я уже разбирался в полотнах Веронезе, Ватто, Бассан, Шедрина, Боровиковского и др. И мелкие предметы обстановки, и картины и клавикорды—все отражало там на себе характерные художественные вкусы Потсдама, Версаля и Шантильи.

Не могу не отметить также своих впечатлений от дворцового театра, в котором иногда давали отдельные небольшие балеты, при участии артистов казенных театров; туда я проникал также при помощи своих братьев. Здесь я впервые познакомился со звуками настоящего оркестра, и был потрясен почти до нервной горячки. Дирижер оркестра казался мне каким-то магом, волшебником, по мановению палочки которого все совершалось. Вся обстановка спектакля действовала на мое воображение, и я стал проявлять впервые творческие порывы; почти бессознательно покушался я уже в то время сочинять, не имея понятия о теории и гармонии. Что я тогда сочинял, не помню,—вспоминаю только, что ноты писались на столе, на стене, в книгах, за что неоднократно доставалось автору от отца и братьев.

Мое раннее детство, до острого заболевания матери нервным расстройством, и после того, как она уже несколько поправилась, прошло не без ее влияния. Мы часто уходили с ней в довольно продолжительные и отдаленные прогулки по парку, или в дер. Колпино и в Малую Гатчину, где проживали ее друзья, и часто там заночевывали; но бывали случаи, когда на обратном пути ночь нас заставала в дороге и мы оставались ждать рассвета в лесу,—это было жутко. Тут мне мерещилась всякая чертовщина, и нервы мои подвергались большому испытанию. Под утро крестьяне, отправлявшиеся на рынок в Гатчину, находили нас и подвозили в город, так как все нас знали и очень любили отца,

Рис. 2. Т. М. Иванова — мать М. М. Ипполитова-Иванова.

который помогал крестьянам бесплатной починкой их сельскохозяйственных орудий и домашней утвари. Такие прогулки с ночевками в лесу не прошли бесследно для меня. Я стал очень рассеянным и задумчивым ребенком, за что мне очень доставалось во время школьного обучения у кюре, режим которого был жестоким: за всякую мелочь он бил линейкой нещадно по спине и по рукам. Страх такого ежедневного истязания заставлял учеников скрываться из школы и прогуливать уроки, что бывало и со мной. Помню, как я однажды летом, увлеченный проходившими войсками (во время маневров), бежал из школы и, маршируя вместе с военным оркестром, попал в дер. Колпино, где, усталый, зашел в кирку*) и, поместившись на одной из последних скамеек, сладко заснул. Проснувшись уже вечером, я ока-

*) Лютеранская церковь—от немецкого слова «Kirche».

зался запертым в церкви и долго не мог сообразить, где я и как туда попал, пока не был освобожден случайно зашедшим сторожем.

Жизнь среди эстонского и финского населения Гатчины также несомненно отразилась на моем характере. Большинство друзей нашей семьи было из среды этого населения. Отец и мать, прекрасно владея норвежским и финским языками, были в постоянном общении с окрестными крестьянами, часто и подолгу бывали у них и принимали у себя. Я, хотя и понимал их язык, но не говорил, будучи, вообще, очень молчаливым и замкнутым ребенком. Часто у нас гостил молодой норвежец Иерсен — большой друг отца, секретарь норвежского консульства в Петербурге, необыкновенно симпатичный, но болезненный юноша, скоро погибший от чахотки. После него осталась повесть — «Оле из Нордланда», переведенная на русский язык моей сестрой и послужившая мне впоследствии для либретто оперы того же названия. Повесть эта произвела на меня громадное впечатление, но только сравнительно недавно я осуществил свою давнишнюю мечту, — написать оперу на этот сюжет.

Из музыкальных впечатлений моего раннего детства сохранилась в памяти тема кавалерийской зори, которую исполняли трубачи кирасирского полка, обыкновенно в 9 час. вечера: зимой в морозном воздухе она особенно ярко звучала над городом и парком, что производило на меня громадное впечатление. Я всегда с нетерпением ожидал ее, сидя на скамеечке у ворот нашего дома.

Вот эта тема:

Лет восьми я начал учиться игре на скрипке у И. В. Заднепровского, псаломщика кирасирской церкви; течение года сделал большие успехи, одолел позиции и довольно бегло стал читать ноты. В это время в нашей семейной жизни произошли перемены, повлиявшие на всю мою жизнь. Сестра моя, Мария Михайловна, вышла замуж за заведующего Стюартовой биржевой артелью, Семена Ипполитовича Ипполитова, и переехала в Петербург. Не желая расставаться со мною и прерывать начатое ею мое обучение, она упростила отца поручить ей мое дальнейшее образование, и в начале 1869 г. мы переехали с ней в Петербург. Разлука с матерью была для меня чрезвычайно мучительной. Я очень любил мать, чувствовал всю трагедию ее су-

ществования; без меня она не могла пробыть ни минуты, с другой стороны, горячая привязанность к сестре и мысль не видеть ее или видеть очень редко приводила меня в ужас. Вотчаянии я плакал до потери сознания, пока отец не уговорил мать поехать с нами в Петербург на некоторое время, чтобы все постепенно пришло в нормальный порядок. Все эти переживания также не прошли бесследно для меня, я стал на все очень болезненно реагировать, мне все казалось, что меня не любят или недостаточно любят. Стал болезненно самолюбив, и еще больше замкнулся в себе, тая все свои огорчения от других. Чем больше были огорчения, тем больше я сжимался в своем внутреннем сопротивлении и таким остался на всю свою жизнь. Но, вместе с этим, я никогда не был угрюмым; жизнерадостность и фантазия никогда не покидали меня, но это был мой личный мир, куда я никого не пускал и только изредка с сестрой делился своими сокровенными мыслями и желаниями, зная, что она поймет меня и не посмеется над ними; а мысль и желание было одно—овладеть «волшебной палочкой»,— быть дирижером. Видя мое страстное желание, сестра посоветовалась с своим мужем, который меня очень любил, и оба решили помочь мне осуществить мои мечты, стать музыкантом.

Глава II.

Знакомство с А. И. Рожновым, Г. Ф. Львовским и М. П. Азанчевским. Посещение музыкальных курсов. Первое знакомство и увлечение оперой. Э. Ф. Направник. Русская опера того времени.

Будучи большим любителем музыки, зять мой Семен Ипполитович был очень дружен с известным в то время учителем хорового пения Г. Ф. Львовским¹ и А. И. Рожновым, а также с директором Петербургской консерватории М. П. Азанчевским,² которые очень часто бывали у него, на музыкальных вечерах.

На одном из таких вечеров к исполнению был предназначен квартет из оперы «Жизнь за царя»; я не помню, кто должен был его исполнять, но помню, что исполнительница партии Антонины не явилась и зять шутя сказал Львовскому: «А вот мы Мишу заставим петь, он ведь у нас музыкант». Григорий Федорович, обычно суровый на вид, очень мягко обратился ко мне и быстро уговорил меня попробовать. Квартет прошел благополучно, в особенности медленная часть, что привело в восторг Львовского, а зять торжествовал; это обстоятельство послужило ему основанием для переговоров с ним о разрешении мне бесплатно посещать музыкальные классы при Исаакиевской капелле, на что согласие и последовало. Эти музыкальные классы были организованы Львовским для малолетних певчих. Туда принимались также и дети лиц, вообще причастных к музыке, хористов и оркестрантов, за незначительную плату. Преподавателями были: хорового пения—И. А. Чижов, игры на скрипке—В. Г. Мансветов и элементарной теории и соль-

феджио—И. С. Любомудров. Из них, в особенности последний имел на меня громадное влияние. Человек большой культуры, с университетским образованием, очень любивший музыку, он, кроме сухих теоретических познаний, старался развить во мне вкус к серьезной музыке, привить любовь к ее создателям; он знакомил меня с историей музыки и с биографиями великих музыкантов; с ним я перечитал решительно все, что в этой области было доступно моему пониманию. С каким заразительным восторгом он рассказывал мне о каком-то новом произведении П. И. Чайковского (это была, вероятно, «Буря» (фантазия для оркестра), только что впервые исполненном в одном из симфонических концертов Музыкального общества! С каким обожанием он говорил о самом Петре Ильиче, и как я ему завидовал, как я мечтал в ту минуту о счастье когда-нибудь приблизиться к этому Олимпу и познакомиться со всеми его богами! С бесконечной благодарностью я вспоминаю этого энтузиаста, сумевшего раздуть таившуюся во мне искорку.

Жили мы на Эстляндской улице, около Екатерингофа, а курсы помещались на Галерной улице, и мне приходилось иногда два раза в день проделывать этот далекий путь; но я так любил эти уроки, что ради них для меня никакое расстояние не казалось далеким, хотя дорога занимала больше часа времени.

Уроки на скрипке с В. Г. Мансветовым шли своим чередом; я добрался до Крейцера, играл концерт Берио и мечтал о концерте Мендельсона, но меня не пленяла виртуозная карьера и даже композиторство не привлекало так, как мечта обладать «волшебной палочкой» дирижера. Класс хорового пения, как я уже упомянул, вел Иван Андреевич Чижов, под руководством Рожнова и Львовского. Чижов был добросовестный ремесленник и в своих указаниях, кроме форте и пиано, «повыше» и «пониже», ничего не признавал, но он мог вполне добросовестно проделать всю черновую подготовительную работу для настоящих художников, какими были Рожнов и Львовский. Я за свою долгую жизнь редко встречал таких мастеров, умевших подчинить исполнителей своим художественным требованиям, добиться от них полной покорности и, вместе с тем, заставить себя полюбить и признать безусловную авторитетность. На этих уроках я впервые понял, что такое музыкальный вкус, музыкальная фраза и что может дать хоровая масса, с ее органной звучностью, в талантливых руках. Из них, конечно, Львовский был больше художником, чем Рожнов. Рожнов был больше техником и брал блеском и бодростью исполнения, а Львовский брал глубиной понимания исполняемых вещей, и, таким образом, они, как бы дополняли один другого. На этих уроках я убедился, что может сделать талантливый руководитель, подчас и с малосодержательным произведением.

Музыкальные курсы я посещал с 1872 по 1875 г. Под конец обучения ученикам старших курсов разрешалось самостоятельно готовить небольшие вокальные ансамбли, на которых мы пробовали свои дирижерские способности, и у меня дела пошли